DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.2.148-157
УДК 572

С.С. Тур
Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: tursvetlana@mail.ru

Прижизненные травмы черепа у скотоводов Горного Алтая скифского и гунно-сарматского времени (V в. до н.э. – V в. н.э.)

В статье анализируются прижизненные травмы черепа, частота которых может характеризовать уровень межличностного насилия, направленного не на убийство, а на ранение противника. Исследованы краниологические материалы пазырыкской (V–III вв. до н.э.) и булан-кобинской (II в. до н.э. – V в. н.э.) культур, в общей сложности более 500 черепов взрослых индивидов. По меркам мирового масштаба общий уровень нелетального травматизма черепа у древних скотоводов Горного Алтая средний (у мужчин – 25,5 %, у женщин – 9,1 %), однако по этому показателю отмечаются существенные различия между южной и северной половиной пазырыкского ареала (у мужчин – 35,7 против 15,3 %, у женщин – 16,7 против 5,6 %), а также между ранним и поздним периодами булан-кобинской культуры (у мужчин – 32,7 против 22,1 %, у женщин – 10,0 против 6,3 %). Широкое распространение прижизненных травм черепа у «пазырыкцев» в высокогорных долинах Юго-Восточного и Южного Алтая могло быть результатом борьбы за ограниченные природные ресурсы в условиях сурового климата, у ранних «булан-кобинцев» скорее было связано с появлением мигрантов. В гунно-сарматское время по сравнению со скифским среди мужчин участились случаи «травматического рецидивизма». В межличностных конфликтах алтайских скотоводов главной мишенью при нанесении ударов было лицо противника, только в столкновениях «булан-кобинских» мужчин удары по голове были менее избирательными. Зажившие травмы лица у женщин являлись, по-видимому, результатом семейного насилия.

Ключевые слова: *прижизненные травмы черепа, насилие, скотоводы, эпоха раннего железа, пазырыкская и булан-кобинская культуры, Горный Алтай.*

S.S. Tur
Altai State University,
Pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russia
E-mail: tursvetlana@mail.ru

Antemortem Cranial Injuries in the Altai Mountains Pastoralists of the Scythian and Xiongnu-Sarmatian Periods (5th Century BC to 5th Century AD)

This article describes healed cranial injuries in the Altai Mountains pastoralists of the Early Iron Age, the increased prevalence of which may testify to interpersonal violence aimed rather at injuring than killing the opponent. Skulls of more than 500 adults from burials of the Pazyryk (5th to 3rd century BC) and Bulan-Koba (2nd century BC to 5th century AD) cultures have been analyzed. On the world scale, the level of nonlethal violence among the Altai Mountains pastoralists was moderate (25.5 % in males and 9.1 % in females). The frequencies, however, differ between the southern and northern Pazyryk populations (males, 35.7 % vs. 15.3 %, respectively; females, 16.7 % vs. 5.6 %) and between the early and late periods of Bulan-Koba (males, 32.7 % vs. 22.1 %; females, 10.0 % vs. 6.3 %, respectively). The high prevalence of injuries among the Pazyryk people from the high-altitude valleys of the Southeastern and Southern Altai might indicate scramble for limited resources under a harsh climate, whereas the high frequency among the early Bulan-Koba pastoralists could have resulted from an inflow of migrants. In the Xiongnu-Sarmatian period, as compared to the Scythian period, repeated injuries became more frequent among males. Interpersonal violence among the Altai Mountains pastoralists involved mainly blows to the face, but in the Bulan-Koba males blows on the head were more random. Healed face injuries in women were likely associated with domestic violence.

Keywords: *Antemortem cranial injuries, violence, pastoralists, Early Iron Age, Pazyryk culture, Bulan-Koba culture, Altai Mountains.*

© Тур С.С., 2019

Введение

Травмы свода черепа, локализующиеся выше т.н. края шляпы (hat brim line) – на чешуе лобной, теменных костях и верхней части затылочной, а также лицевого скелета обычно имеют преднамеренное происхождение [Sheperd et al., 1990; Hussain et al., 1994; Walker, 1997; Maxeiner, Ehrlich, 2000; Harrod, Liénard, Martin, 2012], в силу чего являются одним из наиболее важных источников для изучения проявлений бытового и военного насилия в древних обществах. Прижизненные повреждения черепа, идентифицируемые по признакам заживления, во многих случаях связаны с межличностным насилием, направленным не на убийство, а на ранение противника [Walker, 1989, 1997; Harrod, Liénard, Martin, 2012; Martin, Harrod, 2015]. Как показывают кросс-культурные исследования, между разными формами насилия, летального и нелетального, существуют слабые положительные корреляции [Ember C.R., Ember M., 1994]. Вместе с тем высокий уровень прижизненных травм черепа может служить независимым индикатором социальной напряженности в обществе [Walker, 1989; Baustian et al., 2012].

Цель работы – провести сравнительный анализ прижизненного травматизма черепа у скотоводов Горного Алтая скифского (V–III вв. до н.э.) и гунно-сарматского (II в. до н.э. – V в. н.э.) времени. Ранее было установлено, что возникновение и смена в Центральной Азии господствующих империй хунну (II в. до н.э. – I в. н.э.), сяньби (II – III вв. н.э.) и жужаней (вторая половина IV – V в. н.э.) оказывали существенное влияние на уровень военной активности в этом регионе [Тур, Матренин, Соенов, 2018, с. 132]. Однако вопрос о том, в какой мере скотоводческий образ жизни в условиях Горного Алтая был сопряжен с проявлениями насилия на бытовом уровне, остается слабо изученным.

Материал и методы

Анализировались зажившие травмы черепа взрослых индивидов. Черепа пазырыкской культуры скифского времени были разделены на две локально-территориальные выборки: одна из Юго-Восточного и Южного Алтая, другая из Центрального, Северного и Северо-Западного. Выборка булан-кобинской культуры гунно-сарматского времени включала черепа из могильников, расположенных преимущественно в Центральном Алтае. Последние для анализа хронологической динамики травматизма по возможности были разделены на два периода – хунно-раннесяньбийский (II в. до н.э. – начало III в. н.э.) и позднесяньбийско-жужанский (вторая половина III – V в. н.э.).

Пол и возраст индивидов определялись стандартными остеологическими методами [Standards…, 1994, p. 15–38]. Использовались следующие возрастные градации: молодые – 17–35, зрелые – 35–50, старые – больше 50 лет.

Основная методическая сложность изучения краниальных травм в палеопопуляциях на эпидемиологическом уровне заключается в том, что анализ фрагментарных черепов дает заниженную оценку относительного числа травмированных индивидов, а сохранность материалов из разных археологических памятников может существенно различаться. Как показывает опыт, наиболее часто при раскопках повреждаются или утрачиваются грацильные носовые косточки. Так, по данным Ф. Уолкера, в некоторых из обследованных им краниологических выборок носовые косточки отсутствовали у 50–70 % индивидов, тогда как свод черепа сохранился менее чем наполовину только у 10–30 % [Walker, 1997, p. 150]. Проблема неодинаковой сохранности актуальна и для краниологических материалов из пазырыкских и булан-кобинских могильников. Для того чтобы минимизировать влияние этого фактора, частота встречаемости травм костей носа, лица и свода вычислялась, исходя из числа наблюдений по каждому из этих признаков. Отсутствие травмы регистрировалось в том случае, если сохранилось не менее 75 % поверхности костей соответствующей части черепа. Этот же критерий использовался и при вычислении интегрального показателя – частоты травмированных черепов. Кроме того, в тех случаях, когда в наличии имелась только правая или левая половина черепа относительно хорошей сохранности, число наблюдений отмечалось как 0,5 [Ibid., p. 149]. В итоге суммарная выборка пазырыкской культуры насчитывала 253 индивида (128 мужчин и 125 женщин), булан-кобинской – 277 (182 мужчины и 95 женщин).

Прижизненные травмы анализировались с учетом их размеров, локализации в передней или задней половине черепа (относительно точки bregma), на правой или левой стороне. Для проверки достоверности различий частоты встречаемости травм в исследованных выборках ($p < 0,05$) использовался двусторонний точный критерий Фишера. Уровень прижизненного травматизма черепа у алтайских скотоводов оценивался также в масштабе межгрупповых различий на широком географическом и хронологическом фоне в категориях малых, средних и больших величин. При этом учитывались доступные литературные данные по частоте заживших травм черепа в 42 краниологических выборках удовлетворительной или относительно хорошей сохранности, происходящих из разных частей света и датирующихся от неолита до XVII в. н.э. К категории средних относились значения интерквар-

тильного диапазона. С учетом возможной связи между летальными и нелетальными формами насилия для каждой исследованной выборки приводится также частота травм черепа, сопутствовавших смерти.

Прижизненные травмы черепа в выборках пазырыкской и булан-кобинской культур

Пазырыкская культура (табл. 1, 2). В скифское время уровень прижизненных травм черепа у мужчин был существенно выше, чем у женщин (24,2 против 10,4 %, p = 0,005). Для обоих полов характерны локально-территориальные различия: в северной половине пазырыкского ареала по сравнению с южной этот показатель значительно ниже (у мужчин 15,3 против 35,7 %, p = 0,012; у женщин 5,6 против 16,7 %, p = 0,072).

Травмы лицевого скелета встречаются чаще, чем свода черепа (у мужчин – 22,3 против 8,6 %, p = 0,004; у женщин 12,8 против 2,4 %, p = 0,005). Наиболее распространенными лицевыми травмами во всех выборках являются переломы носовых костей (рис. 1). В двух случаях они сопровождались переломами прилегающей части верхнечелюстной

Таблица 1. **Травмы черепа в мужских выборках пазырыкской культуры**

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Юго-Восточный и Южный Алтай						
Ак-Алаха-1, -3–5	0/1	0/4	2/5	2/5	0/5	2/5
Алагаил-1, -2	2/2	2/2	0/2	2/2	0/2	2/2
Баратал-1, -2	1/5	1/5	2/5	2/5	4/5	4/5
Барбургазы-1–3	0/2	0/3	0/4	0/4	0/4	0/4
Бертек-1, -10, -12, -27	1/3	1/3	0/4	1/4	0/4	1/4
Бураты-4	...	...	0/1	0/1	1/1	1/1
Джолин-1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Курайская степь	0/2	0/2	0/2	0/2	1/2	1/2
Кызыл-Джар-1–5, -8	2/10	2/11	1/10	2/10	1/10	3/10
Малталу	1/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Уландрык-1–4	4/10	5/11	0/13	5/13	2/13	7/13
Юстыд-1, -12, -22	5/6	5/6	1/6	5/6	0/6	5/6
Суммарно	*16/44 (36,4 %)*	*17/51 (33,3 %)*	6/56 (10,7 %)	*20/56 (35,7 %)*	9/56 (16,1 %)	*27/56 (48,2 %)*
Центральный, Северный и Северо-Западный Алтай						
Балык-Соок	…	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
Берсюкта-2	…	…	0/1	0/1	0/1	0/1
Бике-1, -3	0/1	0/2	0/2	0/2	0/2	0/3
Верх-Еланда-2	0/1	0/3	0/6	0/6	2/6	2/6
Кайнду	0/1	0/1	0/3	0/3	0/3	0/3
Майма-4	0/1	0/2	0/4	0/4	0/4	0/4
Тавдушка	0/3	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Тыткескень-6	2/18	3/19	3/23	6/23	2/23	6/23
Ханкаринский Дол	1/6	2/3	0/5	2/5	0/5	2/5
Чобурак-1, -2	0/2	0/2	0/3	0/3	0/3	0/3
Чултуков лог-1, -2	1/10	1/11	2/14	3/14	0/14	3/14
Ябоган-2, -3	0/4	0/3	0/5	0/5	1/5	1/5
Суммарно	*4/47 (8,5 %)*	*6/52 (11,5 %)*	5/72 (6,9 %)	*11/72 (15,3 %)*	5/72 (6,9 %)	*14/72 (19,4 %)*

Примечания. Первая цифра – количество травмированных черепов, вторая – число наблюдений. Курсивом выделены локально-территориальные различия, значимые на статистическом уровне.

Таблица 2. **Травмы черепа в женских выборках пазырыкской культуры***

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Юго-Восточный и Южный Алтай						
Ак-Алаха-1, -3–5	2/2	2/2	0/2	2/2	0/2	2/2
Алагаил-1, -2	1/2	1/2	0/3	1/3	0/3	1/3
Баратал-1, -2	0/2	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3
Барбургазы-1, -2	2/7	2/8	0/8	2/8	1/8	3/8
Бураты-8	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Кальджин-1	...	...	0/1	0/1	0/1	0/1
Джолин-1–3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3	0/3
Кальджин-6	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Курайская степь	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Кызыл-Джар-1–5, -8	0/5	0/6	0/6	0/6	0/6	0/6
Малталу	1/2	1/2	1/2	1/2	0/2	1/2
Мойнак-2	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Уландрык-1–4	1/10	1/10	0/14	1/14	0/14	1/14
Юстыд-1, -12, -22	2/6	2/7	0/8	2/8	0/8	2/8
Суммарно	*9/43 (20,9 %)*	9/47 (19,1 %)	1/54 (1,9 %)	9/54 (16,7 %)	1/54 (1,9 %)	10/54 (18,5 %)
Центральный, Северный и Северо-Западный Алтай						
Балык-Соок	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Бике-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Еланда-2	0/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Кайнду	0/2	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Майма-4	0/5	0/5	1/11	1/11	1/11	2/11
Тавдушка	1/6	1/7	0/8	1/8	0/8	1/8
Тыткескень-6	0/7	0/10	0/13	0/13	0/13	0/13
Ханкаринский Дол	0/4	0/5	0/7	0/7	0/7	0/7
Чобурак-2	0/1	...	...	...	...	...
Чултуков лог-1, -2	0/8	1/10	1/22	2/22	0/22	2/22
Ябоган-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Суммарно	*1/38 (2,6 %)*	3/47 (6,4 %)	2/71 (2,8 %)	4/71 (5,6 %)	1/71 (1,4 %)	6/71 (8,5 %)

*См. примеч. к табл. 1.

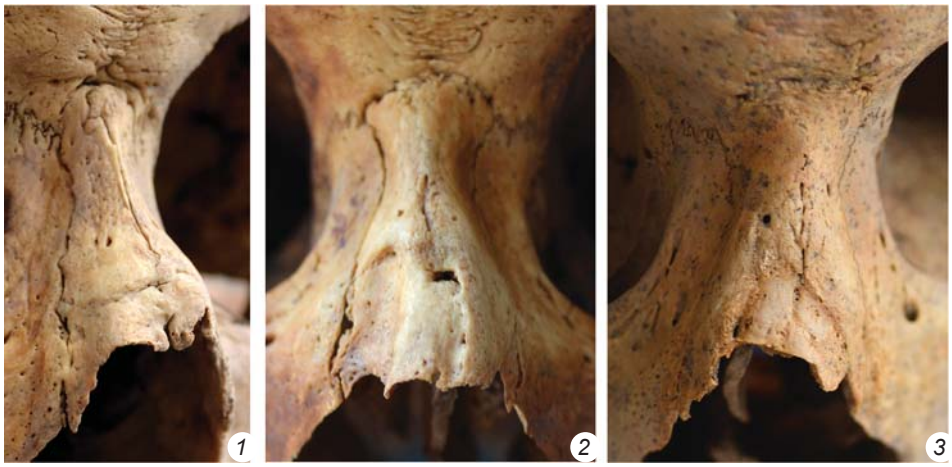

Рис. 1. Примеры заживших переломов носовых костей в выборке пазырыкской культуры Юго-Восточного Алтая.
1 – Бертек-10, кург. 3, мужчина зрелого возраста; *2* – Уландрык-2, кург. 7, погр. 1, мужчина зрелого возраста; *3* – Малталу, кург. 25, старая женщина.

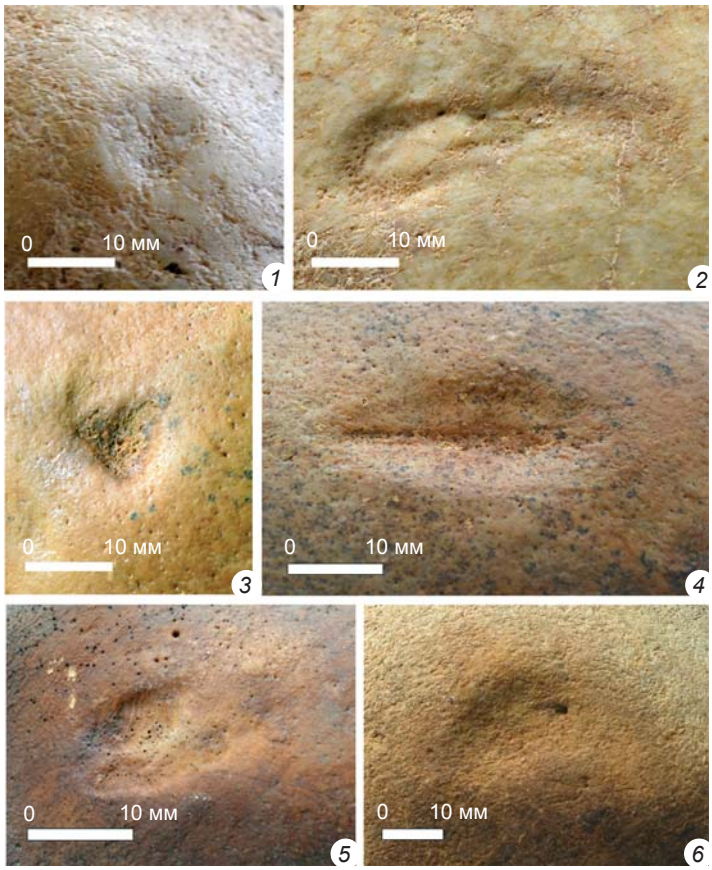

Рис. 2. Примеры заживших вдавленных переломов на костях свода черепа в выборках пазырыкской и булан-кобинской культур.

1 – на правом лобном бугре мужчины зрелого возраста, Айрыдаш-1, кург. 44; *2* – в передней половине правой теменной кости мужчины зрелого возраста, Булан-Кобы-4, кург. 2, погр. 2/1; *3* – на лобной кости молодого мужчины, Кызыл-Джар-1, погр. 9 (впускное); *4* – на правой теменной кости старой женщины, Малталу, кург. 25; *5* – в левой половине лобной кости молодого мужчины, Ак-Алаха-5, кург. 3, погр. 1; *6* – в области правого теменного бугра молодого мужчины, Бош-Туу-1, погр. 10.

кости (Уландрык-2, кург. 6, погр. 4; Юстыд-12, кург. 3). Помимо этого были отмечены переломы нижней челюсти (Верх-Еланда-2, кург. 2, погр. 2/3, Чултуков Лог-1, погр. 117), скуловой дуги (Тыткескень-6, погр. 88) и надбровья (Ханкаринский Дол, погр. 17). Результатом преднамеренной травмы могла быть также прижизненная утрата передних зубов у одного молодого мужчины (Уландрык-3, кург. 1). Локально-территориальные различия по частоте переломов костей носа у мужчин (p = 0,002) и женщин (p = 0,016), а также лицевых костей у мужчин (p = 0,010) статистически значимы.

Зажившие травмы свода черепа, отмеченные у десяти мужчин, трех женщин и двух детей, представлены в основном небольшими вдавленными переломами (рис. 2, *4, 5*), которые обычно возникают от удара тупым предметом с ограниченной поверхностью. Почти все они локализуются на лобной кости. Средняя площадь таких переломов у мужчин 74 мм^2, у женщин 235 мм^2. На краю одного из них зарос маленький обломок камня (Чултуков Лог-2, кург. 5, погр. 1). Линейные переломы свода встречаются в единичных случаях (Тыткескень-6, погр. 92/1). Травмы лицевого скелета и свода черепа незначительно чаще локализуются на левой, чем на правой стороне (у мужчин 11 : 8, у женщин 7 : 3).

В большинстве случаев прижизненные повреждения черепа были одиночными. Трое мужчин и одна женщина имели по два заживших перелома (носовых костей и лобной), которые, однако, могли быть результатом одного эпизода насилия. На четырех мужских черепах отмечается сочетание прижизненного повреждения и травмы, сопутствующей смерти, из чего следует, что по крайней мере 9,8 % мужчин, имевших травматические повреждения головы, становились участниками столкновений неоднократно.

В масштабе межгрупповых различий частота прижизненных травм черепа в мужской и женской выборках из южных районов распространения пазырыкской культуры высокая, из северных – средняя (рис. 3).

Булан-кобинская культура (табл. 3, 4). В выборке гунно-сарматского времени прижизненные травмы имеют 26,4 % мужских и 7,4 % женских черепов, ген-

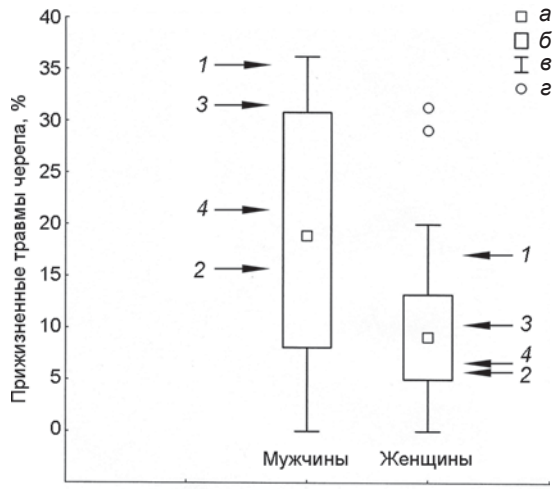

Рис. 3. Диапазон размаха частоты прижизненных травм черепа в скелетных выборках.

1, *2* – пазырыкская культура: *1* – Юго-Восточного и Южного Алтая, *2* – Центрального, Северного и Северо-Западного Алтая; *3*, *4* – булан-кобинская культура: *3* – хунно-раннесяньбийского времени, *4* – позднесяньбийско-жужанского времени. *а* – медиана; *б* – 25–75 %; *в* – размах без выбросов; *г* – выбросы.

Таблица 3. **Травмы черепа в мужской выборке булан-кобинской культуры**

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Айрыдаш-1	0/12	2/27	6/31	8/31	7/31	11/31
Белый Бом-2	2/6	2/9	0/10	2/10	1/10	3/10
Бийке	...	...	0/1	0/1	0/1	0/1
Боочи	0/2	0/2	1/3	1/3	1/3	2/3
Бош-Туу-1	5/29	6/33	8/32	12/32	1/32	12/32
Булан-Кобы-4	5/17	5/16	3/16	6/16	0/16	6/16
Верх-Еланда-2	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Верх-Уймон	0/2	1/2	0/6	1/6	2/6	2/6
Дялян	0/1	0/1	0/3	0/3	0/3	0/3
Кара-Бом-11	0/2	0/2	1/2	1/2	0/2	1/2
Карбан-1	0/2	0/4	1/6	1/6	1/6	2/6
Курайка	0/5	0/6	1/6	1/6	2/6	3/6
Кызыл-Джар-1	...	0/1	1/1	1/1	0/1	1/1
Сальдяр-2	0/1	1/1	0/2	1/2	0/2	1/2
Степушка-1, -2	2/13	3/23	3/26	6/26	6/26	10/26
Тыткескень-6	...	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Улита	0/4	0/7	1/12	1/12	1/12	2/12
Усть-Балыктыюль	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Усть-Эдиган	2/10	2/12	3/13	4/13	2/13	5/13
Ябоган-3	1/3	1/4	0/4	1/4	0/4	1/4
Яломан-2, запад. гр.	0/2	0/2	1/3	1/3	0/3	1/3
Яломан-2, центр. гр.	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
II в. до н.э. – начало III в.н.э.	7/43 (16,3 %)	9/52 (17,3 %)	13/55 (23,6 %)	18/55 (32,7 %)	4/55 (7,3 %)	20/55 (36,4 %)
Вторая половина III – V в. н.э.	9/63 (14,3 %)	13/90 (14,4 %)	14/113 (12,4 %)	25/113 (22,1 %)	19/113 (16,8 %)	37/113 (32,7 %)
Суммарно	17/115 (14,8 %)	23/157 (14,6 %)	30/182 (16,5 %)	48/182 (26,4 %)	24/182 (13,2 %)	63/182 (34,6 %)

Примечание. Первая цифра – количество травмированных черепов, вторая – число наблюдений.

дерные различия высокозначимы на статистическом уровне (p = 0,000). Повреждения лицевого скелета, включающие переломы носовых, верхнечелюстной и скуловой костей, надбровья и надпереносья, костей орбиты, а также нижней челюсти отмечены у 14,6 % мужчин и 6,1 % женщин (рис. 4). Наиболее распространенными среди них являются травмы носа, которые у мужчин встречаются достоверно чаще, чем у женщин (14,8 против 4,5 %, p = 0,047). Переломы других лицевых костей нередко сопутствуют травме носа (5 из 13).

Повреждения свода черепа, представленные в основном небольшими вдавленными переломами округлой или овальной формы, в мужской выборке булан-кобинской культуры встречаются с не меньшей частотой, чем травмы лицевого скелета (см. рис. 2, *1–3, 6*), однако для женщин они не характерны. Гендерные различия по этому показателю статистически высокозначимы (p = 0,000). Хотя размеры вдавленных переломов у мужчин значительно варьируют (от 20 до 1 980 мм^2), площадь дефектов на теменных костях в среднем больше, чем на лобных (149,9 против 284,8 мм^2). В нескольких случаях помимо вдавленных переломов свода черепа были отмечены линейные (Айрыдаш-1, кург. 124, Степушка-1, кург. 15, погр. 1, Усть-Эдиган, погр. 3, 3а).

Зажившие травмы чаще локализуются в передней половине черепа: у мужчин 46 против 18 (p = 0,018), у женщин 7 против 1 (p = 0,282). В распределении дефектов с правой и левой стороны различий не обнаружено (27 : 26). Некоторые черепа имеют по две-три зажившие травмы, которые могли возникнуть в результате одного эпизода насилия. Однако у восьми мужчин, преимущественно молодых, особенности локализации, различия в размерах и форме прижизненных повреждений скорее свидетельствуют об их появлении в разное время. Еще на девяти мужских черепах заживший перелом сочетается с травмой, сопут-

Таблица 4. **Травмы черепа в женской выборке булан-кобинской культуры***

Выборка	Прижизненные травмы костей				Смертельные травмы	Суммарно
	носа	лица	свода	черепа		
Айрыдаш-1	0/14	0/21	0/22	0/22	2/22	2/22
Белый Бом-2	0/5	0/8	0/8	0/8	1/8	1/8
Бош-Туу-1	1/11	2/11	0/11	2/11	0/11	2/11
Булан-Кобы-4	1/10	2/11	1/11	3/11	1/11	4/11
Верх-Уймон	...	...	0/4	0/4	0/4	0/4
Дялян	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Кара-Бом-11	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Карбан-1	1/2	1/3	0/3	1/3	0/3	1/3
Курайка	0/3	0/4	1/5	1/5	0/5	1/5
Степушка-1, -2	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4	0/4
Улита	0/2	0/5	0/7	0/7	0/7	0/7
Усть-Балыктыюль	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Усть-Эдиган	0/10	0/9	0/14	0/14	2/14	2/14
Ябоган-3	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/1
Яломан-2, запад. гр.	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2	0/2
II в. до н.э. – начало III в. н.э.	2/25 (8,0 %)	3/25 (12,0 %)	0/30 (0,0 %)	3/30 (10,0 %)	2/30 (6,7 %)	5/30 (16,7 %)
Вторая половина III – V в. н.э.	1/40 (2,5 %)	2/55 (3,6 %)	2/63 (3,2 %)	4/63 (6,3 %)	4/63 (6,3 %)	8/63 (12,7 %)
Суммарно	3/67 (4,5 %)	5/82 (6,1 %)	2/95 (2,1 %)	7/95 (7,4 %)	6/95 (6,3 %)	13/95 (13,7 %)

*См. примеч. к табл. 3.

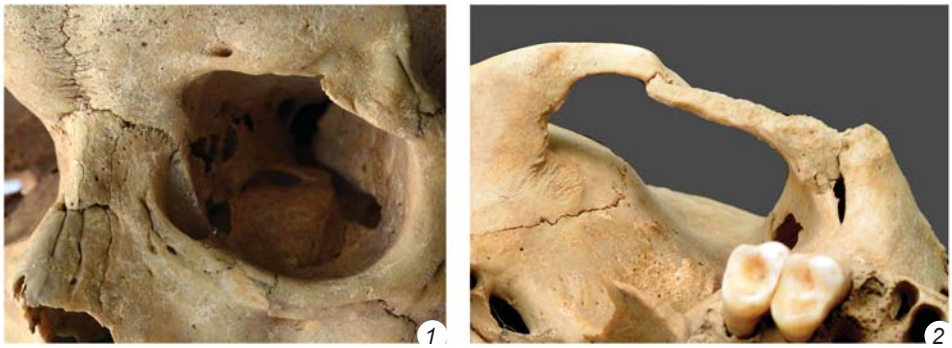

Рис. 4. Примеры заживших травм лицевого скелета на булан-кобинских черепах.
1 – перелом носовых костей и левого скулового отростка лобной кости у молодого мужчины, Булан-Кобы-4, кург. 1, погр. 2; *2* – перелом правой верхнечелюстной и скуловой кости у женщины зрелого возраста, Булан-Кобы-4, кург. 2, погр. 3.

ствующей смерти. Суммирование вероятных случаев повторного травматизма приводит к заключению, что 27,0 % мужчин, имевших травмы головы, участвовали в столкновениях неоднократно.

Существенных межгрупповых различий в распространении прижизненных травм черепа у носителей булан-кобинской культуры не наблюдается. Однако в позднесяньбийско-жужанский период по сравнению с хунно-раннесяньбийским уровень нелетального насилия у мужчин несколько снижается ($p = 0{,}075$). По меркам мирового масштаба частота заживших травм черепа в мужской и женской булан-кобинских выборках средняя, у мужчин в хунно-раннесяньбийский период высокая (см. рис. 3).

Обсуждение результатов

Во всех исследованных выборках частота прижизненных травм черепа у мужчин выше, чем у женщин, что является универсальной тенденцией для разных регионов и эпох [Knüsel, Smith, 2014]. В целом для алтайских скотоводов характерен средний уровень нелетального травматизма, хотя по этому показателю в скифский период выявляются существенные локально-территориальные различия, а в гунно-сарматский – хронологические (рис. 5). Более высокая частота прижизненных травм черепа в южной половине пазырыкского ареала объясняется, по-видимому, дисбалансом между плотностью населения (количеством

скота) и ограниченными природными ресурсами в высокогорных районах Юго-Восточного и Южного Алтая, что могло приводить к конфликтам из-за пастбищ. Кроме того, здесь наблюдается высокая частота смертельных травм черепа у мужчин (см. табл. 1). Аналогичная ситуация отмечалась также на южной окраине пазырыкского ареала в западной части современной Монголии [Jordana et al., 2009].

В гунно-сарматское время пик нелетального травматизма приходится на ранний период булан-кобинской культуры, а летального – на поздний. В Центральном Алтае высокая частота заживших травм черепа у мужчин в хунно-раннесяньбийский период может быть связана с притоком пришлого населения, который регистрируется по археологическим данным [Тишкин, 2007, с. 177–179; Серегин, Матренин, 2016, с. 144–147, 158–163; и др.]. Усиление же в регионе военной активности в позднесяньбийско-жужанское время скорее было вызвано изменением политической обстановки в Центральной Азии – развалом империи сяньби и обострением междоусобной борьбы за власть [Тур, Матренин, Соенов, 2018].

По локализации травм в скелетных выборках нередко прослеживается нацеленность ударов либо на лицо, либо на свод черепа [Walker, 1989, 1997; Lessa, Mendonça de Souza, 2006; Baustian et al., 2012; Cohen et al., 2014; Monge, Selinsky, 2016, p. 151; и др.], что согласуется с этнографическими и клиническими данными об этнокультурной специфике межличностного насилия [Walker, 1989, 1997; Brickley, Smith, 2006]. У алтайских скотоводов главной мишенью при нанесении ударов было лицо противника, только у «булан-кобинских» мужчин свод черепа поражался не реже, чем лицевая часть.

Локализация заживших травм в передней или задней половине черепа, с правой или левой стороны может служить потенциальным индикатором взаимного расположения участников конфликта. На мужских черепах носителей пазырыкской и булан-кобинской культур большинство прижизненных повреждений локализуется на лицевых и лобной костях, что предполагает столкновения по типу «лицом к лицу». Незначительное доминирование левосторонней локализации травм в результате ударов, нанесенных преимущественно правой рукой, прослеживается только в скифское время. Размеры и форма вдавленных переломов свода черепа различные, однако обширные и глубокие среди них встречаются редко. Меньшие размеры дефектов на лобной кости по сравнению с теменными объясняются большей прочностью первой [DeGrood, 1975].

В мужских выборках алтайских скотоводов отмечается «травматический рецидивизм». Этот термин, заимствованный из клинической практики, в биоархеологии используется для обозначения любого повторного травмирования [Harrod et al., 2017]. Хотя в скелетных выборках не всегда удается определить последовательность возникновения двух и более заживших травм, которые могут быть как разновременными, так и синхронными, связанными с одним эпизодом насилия, наличие на черепе травм прижизненных и сопутствующих смерти является надежным индикатором «травматического рецидивизма». С учетом отмеченных вероятных случаев повторного травматизма можно заключить, что уровень «травматического рецидивизма» в гунно-сарматское время по сравнению со скифским был выше (27,0 против 9,8 %). Повторные травмы головы могут свидетельствовать либо о систематическом характере межличностных конфликтов, либо о зависимом положении индивидов. Однако последнее не находит поддержки в археологическом контексте пазырыкской и булан-кобинской культур. Кроме того, «травматический рецидивизм» может быть обусловлен специализацией в занятиях мужской части населения.

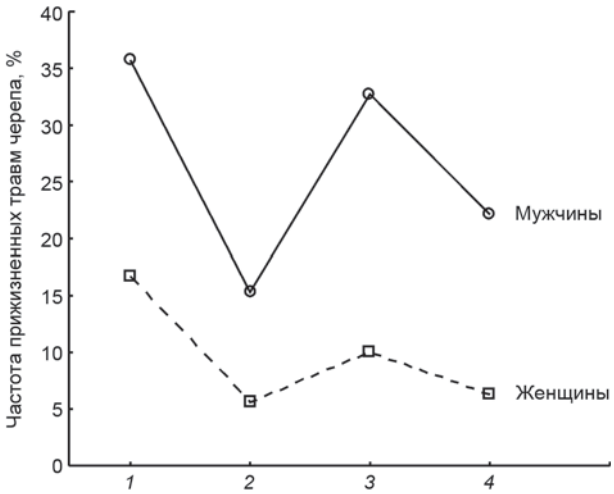

Рис. 5. Территориальная и хронологическая вариабельность прижизненных травм черепа в мужской и женской части алтайских скотоводов.
1–4 – см. рис. 3.

Преобладание прижизненных травм черепа по сравнению с присмертными в мужских выборках алтайских скотоводов может объясняться тем, что использование силы в решении межличностных конфликтов было преимущественно направлено не на убийство, а на ранение противника. Одним из источников нелетального травматизма у мужчин в традиционных обществах является т.н. контролируемое насилие – ритуализованные поединки или коллективные сражения, которые имели универсальный характер и встречались у разных народов [Chagnon, 1988, p. 986; Walker, 1989, p. 319–320; Abbink, 1998, p. 280–281; Горбунов, 1999, с. 4–218; Herdt, 2006, p. 33–36; Lessa, Mendonça de Souza, 2006, p. 136; и др.].

Такая борьба служила для повышения индивидуального престижа, решения внутри- и межгрупповых конфликтов. Иногда она носила церемониальный характер. Борьба проводилась публично и по определенным правилам, ограничивающим риск смертельного исхода. Для ударов часто использовалось тупое оружие (орудия). Серьезные травмы были нередки, однако убийство противника наказывалось.

Кроме того, в обществах со скотоводческим хозяйством был широко распространен коллективный угон скота. Захват чужого стада обычно предпринимался теми, кто потерял свое в результате неблагоприятных природных условий, а также в качестве наказания за совершенное преступление или компенсации за нанесенный ущерб. В случае насильственных действий при таких операциях летальное оружие старались не применять из-за опасений кровной мести [Першиц, 1994, с. 168–169, 191–192].

В женских выборках пазырыкской и булан-кобинской культур травмы локализуются преимущественно на лице. Женщины со следами побоев были похоронены в полном соответствии с нормами погребального обряда, что свидетельствует об их полноправном статусе. В современном индустриальном обществе травмы лица у женщин репродуктивного возраста являются индикатором домашнего насилия [Greene et al., 1999; Novak, 2006; Allen, Novak, Bench, 2007]. Удар по лицу кулаком очень болезненный и часто приводит к обильному кровотечению, что может иметь не только стратегическое, но и символическое значение [Walker, 1997, p. 160]. Согласно клиническим данным, у большинства женщин, пострадавших от рукоприкладства мужа, травмируются только мягкие ткани, переломы лицевых костей наблюдаются лишь в 7–9 % случаев [Fonseka, 1974, p. 400; Novak, 2006, p. 242]. Однако этнографические исследования показывают, что частота и локализация травм черепа у жертв домашнего насилия могут существенно варьировать в разных культурах. Так, у скотоводов туркана Кении 50 % женщин, подвергавшихся домашнему насилию, имели травмы головы обычно в виде мелких вдавленных переломов от ударов «подручными» средствами – камнем, предметами бытовой утвари или пастушеским посохом [Harrod, Liénard, Martin, 2012].

Семейное насилие имеет глубокие исторические корни. В патрилинейных и патрилокальных обществах физическое наказание женщины мужем или его родственниками являлось социально санкционированным и рассматривалось как средство контроля за ее поведением [Dobash R.E., Dobash R., 1979, p. 31–47]. Уровень семейного насилия зависит от многих факторов, в т.ч. от общего уровня насилия в обществе. Последнее, по-видимому, можно отнести и к обществу алтайских скотоводов скифского и гунно-сарматского времени (рис. 5).

Выводы

Прижизненные травмы лицевого скелета и свода черепа во многих случаях характеризуют уровень межличностного насилия, направленного преимущественно не на убийство, а на ранение противника. По меркам мирового масштаба для алтайских скотоводов в целом характерна средняя частота заживших травм черепа, однако в скифский период по этому показателю существовали значительные локально-территориальные различия, а в гунно-сарматский – хронологические. В южной половине пазырыкского ареала и в хунно-раннесяньбийский период булан-кобинской культуры уровень прижизненного травматизма черепа был высоким. Во всех исследованных выборках мужчины чаще становились жертвами нелетального насилия, чем женщины. В гунно-сарматское время по сравнению со скифским у мужчин участились случаи «травматического рецидивизма». Главной мишенью при нанесении ударов в межличностных конфликтах было лицо противника, только в столкновениях «булан-кобинских» мужчин удары по голове были менее избирательными. Зажившие травмы лица у женщин являлись, по-видимому, результатом семейного насилия.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 16-06-00254).

Список литературы

Горбунов Б.В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских: историко-этнографическое исследование. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 379 с.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: ИЭА РАН, 1994. – Т. 2, ч. 3. – С. 129–247.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 272 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 356 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 132–139.

Abbink J. Ritual and Political Forms of Violent Practice among the Suri of Southern Ethiopia // Cahiers d'Études africaines. – 1998. – Vol. 38, N 150–152. – P. 271–295.

Allen T., Novak S.A., Bench L.L. Patterns of Injuries: Accident or Abuse // Violence Against Women. – 2007. – Vol. 13, N 8. – P. 802–816.

Baustian K.M., Harrod R.P., Osterholtz A.J., Martin D.L. Battered and abused: Analysis of trauma at Grasshopper Pueblo (AD 1275–1400) // Intern. J. of Paleopathol. – 2012. – Vol. 2, iss. 2/3. – P. 102–111.

Brickley M., Smith M. Culturally Determined Patterns of Violence: Biological Anthropological Investigations at a Historic Urban Cemetery // Am. Anthropologist. – 2006. – Vol. 108, N 1. – P. 63–177.

Chagnon N.A. Life histories, blood revenge, and warfare in a tribal population // Science. – 1988. – Vol. 239. – P. 985–992.

Cohen H., Sarie I., Medlej B., Bocquentin F., Toledano T., Hershkovitz I., Slon V. Trauma to the Skull: A Historical Perspective from the Southern Levant (4300 BCE – 1917 CE) // Intern. J. of Osteoarchaeol. – 2014. – Vol. 24, N. 6. – P. 722–736.

DeGrood M.P. Skull Fractures // Injuries of the Brain and Skull. – N. Y.: American Elsevier, 1975. – Pt. I. – P. 387–402.

Dobash R.E., Dobash R. Violence against Wives: A Case against the Patriarchy. – N. Y.: Free Press, 1979. – 339 p.

Ember C.R., Ember M. War, Socialization, and Interpersonal Violence: A Cross-Cultural Study // J. of Conflict Resolution. – 1994. – Vol. 38, N 4. – P. 620–646.

Fonseka S. A Study of Wife-beating in the Camberwell Area // British J. of Clinical Practice. – 1974. – Vol. 28, iss. 12. – P. 400–402.

Greene D., Maas C.S., Carvalho G., Raven R. Epidemiology of Facial Injury in Female Blunt Assault Trauma Cases // Archives of Facial Plastic Surgery. – 1999. – Vol. 1, N 4. – P. 288–291.

Harrod R.P., Liénard P., Martin D.L. Deciphering Violence in Past Societies: Ethnography and the Interpretation of Archaeological Populations // The Bioarchaeology of Violence. – Gainesville: Univ. Press of Florida, 2012. – Ch. 3. – P. 63–80.

Harrod R.P., Willett A.Y., Kincaid M.A., Woods A.R. Injury and Re-injury among the Ancestral Pueblo and Fremont // Broken Bones, Broken Bodies: Bioarchaeological and Forensic Approaches for Accumulative Trauma and Violence / eds. C.E. Tegtmeyer, D.L. Martin. – Lanham: Lexington Books, 2017. – Ch. 4. – P. 61–79.

Herdt G. The Sambia: Ritual, Sexuality, and Change in Papua New Guinea. – Belmont: Wadsworth, 2006. – 178 p.

Hussain K., Wijetunge D., Grubnic S., Jackson I. A comprehensive analysis of craniofacial trauma // J. of Trauma. – 1994. – Vol. 36, iss. 1. – P. 34–47.

Jordana X., Galtés I., Turbat T., Batsukh D., García C., Isidro A., Giscard P.-H., Malgosa A. The warriors of the steppes: osteological evidence of warfare and violence from Pazyryk tumuli in the Mongolian Altai // J. Archaeol. Sci. – 2009. – Vol. 36, iss. 7. – P. 1319–1327.

Knüsel C., Smith M.J. The Osteology of Conflict: What does it all mean? // The Routledge Handbook of the Bioarchaeology of Human Conflict. – L.; N. Y.: Taylor & Francis Group, 2014. – P. 656–694.

Lessa A., Mendonça de Souza S.M.F. Broken Noses for the Gods: Ritual Battles in the Atacama Desert during the Tiwanaku Period // Memórias do Instituto Oswaldo Cruz. – 2006. – Vol. 101, suppl. II. – P. 133–138.

Martin D.L., Harrod R.P. Bioarchaeological Contributions to the Study of Violence // Am. J. Phys. Anthropol. – 2015. – Vol. 156. – P. 116–145.

Maxeiner H., Ehrlich E. Site, Number and Depth of Wound on the Scalp in Falls and Blows – a contribution to the validity of the so-called hat brim rule // Archiv für Kriminologie. – 2000. – Vol. 205, N 3/4. – P. 82–91.

Monge J., Selinsky P. Patterns of violence against women in the Iron Age Town of Hasanlu, Solduz Valley, Iran // Women in Antiquity: Real Women across the Ancient World. – L.; N. Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2016. – Ch. 10. – P. 138–155.

Novak S.A. Beneath the Façade: A Skeletal Model of Domestic Violence // Social Archaeology of Funerary Remains / eds. R. Gowland, C. Knüsel. – Oxford: Alden Press, 2006. – Ch. 16. – P. 238–252.

Sheperd J.P., Shapland M., Pearce N.X., Scully C. Pattern, severity and aetiology of injuries in victims of assault // J. of the Royal Society of Medicine. – 1990. – Vol. 83, iss. 2. – P. 75−78.

Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains / eds. J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker. – Fayetteville: Arkansas Archeological Survey, 1994. – 218 p. – (Arkansas Archeological Survey Research Ser.; N 44).

Walker P. Cranial Injuries as Evidence of Violence in Prehistoric Southern California // Am. J. Phys. Anthropol. – 1989. – Vol. 80. – P. 313–323.

Walker P.L. Wife Beating, Boxing, and Broken Noses: Skeletal Evidence for the Cultural Patterning of Violence // Troubled Times: Violence and Warfare in the Past. – Amsterdam: Gordon and Breach, 1997. – Ch. 6. – P. 145–175.

Материал поступил в редколлегию 06.12.17 г.,
в окончательном варианте – 14.03.18 г.